

Благодать наказания

Богословское эссе

Часть 1

РАДУЕТСЯ ЛИ БОГ? СКОРБИТ ЛИ ОН? ПРИСУЩИ ли Ему проявления чувств? Мечтает ли Он? И все ли Его мечты сбываются? Интересные, но провокационные вопросы. Строгий богословский подход наверняка воспринял бы их как недостаточно серьезные. Разве может Бог, Сам являющийся первоосновой бытия, на которой стоит все мироздание, быть подверженным переменам, настроениям? Неужели Он, знающий все наперед и «вчера, сегодня и вовеки – Тот же» (Ев. 13:8), способен сокрушаться о Своих нереализованных планах?

Первые главы Библии представляют нам Господа не только как Творца всего сущего: суверенного и всемогущего. Мы читаем не только о Боге, который «ex nihilo»^[1] сотворил материю, придал ей совершенные формы, вдохнул дыхание жизни в комок праха, сотворив из него человека. Мы читаем о Боге, который, взирая на свод Земли, восторженно и удовлетворенно отмечал, как все прекрасно получилось (Быт.1:31). Он не только творил прекрасное – Он полагал принципы красоты и гармонии, устанавливал критерии прекрасного, отделяя его от безобразного. Мы читаем о Боге, который восторгался и радовался о Своем творении (Быт. 1:18)! Возможно, Он любовался Адамом, как мать любит спящим ребенком, наблюдая и подмечая собственные черты в своем детище.

Мы читаем о Боге, который как бы почувствовав неладное, взывает в саду: «Адам! Где ты?» Его зов полон тревоги и горестного предчувствия беды. И когда находит спрятавшихся людей, говорит им полные скорби слова: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» (Быт. 2:11). А сколько скорби в вопросе Творца к первому убийце — Каину: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне!» (Быт. 4:10). Болью пронизаны Божьи слова о том, что тварь «извратила путь свой», оставив свое предназначение. Каким ужасом исполнены строки: «И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растленна» (Быт. 6:12)! Беспрецедентной печалью и тоской звучит вздох автора Бытия: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем!» (Быт. 6:6). Что это? Грубый антропоморфизм, литературный прием, адаптирующий образ Бога к человеческому пониманию? Или это непостижимый для человеческого ума синтез всезнания и надежды?

В главах с 3 по 11 книги Бытия мы находим описание решительных мер, предпринятых Творцом в отношении Своего любимого творения. Наказания Божии коснулись всех сфер жизни человека: смерть, ограничение срока физической жизни, скорбь при родах и во время добывания пропитания, изгнание из Рая, Всемирный потоп, смешение языков и рассеяние — все это не случайные бедствия и слепые обстоятельства, стихийно постигшие людей. Это — прямое действие Бога, — это то, что свершилось по Его всевышней воле! По воле лю-

^[1] ex nihilo — букв. «из ничего». Творение ex nihilo есть догмат веры.

бящего, надеющегося и страдающего Отца...

Для чего же Он это сделал? Что переживал Небесный Отец, когда лишал Своего сына — человека — тех божественных возможностей и благ, которыми незадолго до того, так щедро одарил? Мы не можем знать всего об этом. Одно лишь можем знать точно: в Его действиях не было бесстрастной карающей воли, фатальной запланированности. Отец страдал вместе со Своим сыном — человеком. И даже тогда, когда Его наказания касались ключевых возможностей людей в первозданном мире, единственная цель, которой руководствовался Творец, делая это, — любовь и надежда.

Сотворение и первозданная гармония

◆ В чем причина сотворения человека? Неправильным будет утверждение, что Бог нуждался в человеке (как будто бы Он не мог обойтись без него), но при этом можно допустить, что единственный мотив Божественного творения — воля Творца. Адам не был вызван на свет как некая альтернатива взбунтовавшемуся дьяволу, а потомство Адама — не замена падшим ангелам. Утверждать обусловленность Божьего творчества какими-либо обстоятельствами, подлежащими нашему осмыслению, — есть попытка помещения Всевышнего в зависимость от ситуаций, причин.

Таинственное «в начале» (Быт. 1:1), открывающее повествование о космогонических актах, покрытое мраком, в котором, вдруг, вспыхнула искра точки отсчета всех последующий действий, повлекших за собою время и пространство, перебросило мост из вечности во время. Это «в начале»,

трудно поддающееся описанию и осмыслению (его, как ноль трудно отделить от «ничто»), стало объяснением того, почему Бог творит: по неизвестным нам причинам, вдруг, внезапно, неожиданно Бог стал творить!

«И сказал Бог: да будет...!» (Быт. 1:3). И появилось, сделалось, и обустроилось все так, как Он этого пожелал. Он творил из «ничто». Нет исходного материала, который Он размял бы в Своих ладонях, как горшечник глину, и придавал бы ей форму. Вместе с этим, Бог Писания, хоть и не творит из «праматерии», также не творит мир и из Себя Самого. Он полагает вселенную, как Собственное отрицание, как «иное», вызванное из бездн небытия Его властным: «Да будет!» Иоанн Богослов, подражая Моисею, начинает свое Евангелие также словами «В начале...». Как бы стараясь прозреть тьму, он внезапно заявляет, что Логос был в начале, а через Него все произошло, что только могло произойти! (Ин.1:1-3). В отличие от греческого мудреца Гесиода, утверждавшего что «в начале был Хаос», зиявший пустотой, разверзшийся бесформенностью пространства, Иоанн видит во тьме начала Смысл, божественную Мудрость, объясняющую и осмысливающую это первоначальное «ничто», преображая его в то, о чем Сам Творец возгласит: «Хорошо весьма!» (Быт.1:31)^[2].

И вот, наконец, после серии творческих актов, когда Земля обрела свой облик, океаны отступили, освобождая место суше, и зелень растений покрывала поля, птицы наполнили твердь небес и морские гиганты устремились в глубину вод в своем неутомимом движении, Бог сотворил человека.

Сотворение Адама было особенным актом, отличающимся от прежних шести периодов творения. Если в первые шесть дней Бог возглашал: «Да будет, да полетят, да произведет!», словно обращаясь к тайным силам земли, воды и ветра, освобождая титанические энергии законов природы, то здесь Он Сам склоняется над человеком и берет в качестве эскиза Свои образ и подобие, как бы прилагая это лекало к новому существу – будущему Адаму. Удивительно то, что первым предназначением человека, следующим сразу же после его появления, стало повеление владычествовать надо всем, прежде созданным (причем это повеление следует дважды: Быт.1:26, 1:28). Человеку дано право «владычествовать и обладать» всем творением. Он был поставлен неким посредником между Богом и землей, приводящим все творение к Создателю так, как позднее Аарон будет приводить народ Израиля в общение с Богом. Адам, нарекая животных по именам, придавал значение всей твари; он венчал всю пирамиду живых существ гением разума, призванным направлять все к добровольному поклонению Творцу. Таков был замысел Бога.

Грехопадение

◆ Первозданная гармония длилась не долго. Мы не знаем, сколько времени потребовалось Адаму чтобы назвать по именам всех животных. Нам неведомо, сколько продолжалась их с Евой семейная идиллия, свободная от страха и стыда. Голос искусителя, пробудивший в душах первых людей сомнение в самом главном – в любви Творца – раздался вдруг посреди Рая. Впоследствии этот голос человечество еще услышит неоднократно.

^[2] Гесиод. Теогония.

Он будет предлагать, уговаривать, упрощать, угрожать. Этот же голос будет вкрадчиво советовать превратить камни в хлеб (Лук. 4:3), его можно будет услышать в безумном крике бесноватого: «Не мучь меня, Сын Божий!» (Мк. 5:7). Голос змея тронул тайные, дотоле не звучащие струны в душе Евы, и она почувствовала стран-

***Ввиду вечной природы
 Адама, Бог начинает
 сложный, долгий и
 неимоверно тяжелый труд
 по освобождению человека
 из плена, в который тот
 попал по собственной воле.***

ное, необъяснимое для себя самой, влечение к объекту искушения. Как будто бы некий камертон зазвучал внутри нее, откликаясь на внешний призыв и издавая свой собственный звук: «Будем как боги, когда узнаем добро и зло!» И свершилось страшное таинство, изменившее весь ход Истории: человек направил свою волю против Творца, пошел своим собственным путем, став «сам себе богом»! И, поскольку он не был Богом по сути своей, хотя и был назначен на роль главы всего тварного мира, он избрал путь движения к хаосу, удаляясь от Логоса, лежащего в основании творческого замысла Бога.

Было ли это неожиданностью для Творца? И да, и нет. Да, это было неожиданностью в том смысле, что Он все же надеялся на то, что Его сын не станет блудным (Лук. 15:12-13). Поэтому Божий зов к Адаму полон глубокого сострадания и сожаления. Бог, сотворив человечество, был вынужден Сам шагнуть из вечности — во

время, и из вездесущия — в пространство Рая. Он Сам наделил человека способность выбирать: любить или не любить Его. В существе человека воплотилось противоречие тварной конечности и неистребимой силы бессмертной души. Творец Сам сотворил Себе такой камень, который не в состоянии был сдвинуть с места.

Название камня — адамова свобода выбирать. При всем этом Бог предвидел, чем все это обернется! Он предвидел предсмертную агонию Авеля, умиравшего от руки брата. Он отчетливо видел накатывающиеся волны Потопа, уносящие в преисподнюю нечестивое поколение. Он также видел в дали веков погрузившуюся в мрак Голгофу с крестами, на одном из которых распят Его Сын, Образ Ипостаси Его, приготовленный к закланию от сотворения мира (Отк. 13:8)! Он предвидел это все... То, что для нас является парадоксом, искажением правил логики, для Него — это одно из многих, недоступных для нашего ограниченного разума, явлений. Непреодолимые для нас противоречия снимаются на высшем уровне Божьей сущности, ибо «Он творит все, что пожелает на небе и на земле!» (Пс. 134:6).

Творец знал, что падение Адама — это лишь начало пути Его «блудного сына». Что дальнейшее его движение «по наклонной плоскости» будет тиражировать зло и преступления, и этот процесс необратим. И тогда произошло то, что было трудно представить: Бог Сам стал разрушать то, что ранее созидал! Он Сам стал лишать человечество тех многих благ, которые даровал ему для счастливой жизни на земле. Любящий Отец отнимал у ребенка не просто игрушки, но решительно ограничивал его в возможнос-

тях. Отец посылал страдания в жизнь Своего сына! Он делал это не из ненависти и не в отместку: Он преследовал все ту же цель, что и при сотворении — любил и надеялся!

ОТНЯТЫЕ БЛАГА

◆ Нам иногда кажется, что любовь это отсутствие всякой строгости и ограничений. Такое представление о любви могло быть уместным в идеальном мире, где отсутствует всякая неправда, где стороны не испытывают искушений мыслить эгоистично, где нет внешних искушений. К сожалению, это не применимо к падшему миру, в котором человечество оказалось после бунта против Бога. Человеческое сердце — компас-путеводитель — настроено жить без Бога и вопреки Его воле. Испортилась самая сердцевина человека: он стал «поклоняться и служить твари, вместо Творца» (Рим. 1:25). Человек стал поклоняться самому себе, своим желаниям и страстям, ведущим к тлению. Возведя свои желания во главу всех своих стремлений, Адам, тем самым, стал на путь, превращающий его во «второго дьявола». В отличие от сатаны, человек не обладал такими масштабами влияния, как падший херувим. Оболочка плоти ограничивала его деятельность до масштабов присутствия «здесь и сейчас». Но энергия жизни и способность размножаться сделали его существом предельно опасным для самого себя.

Как же должен был поступить Творец, видя Своего сына в таком бедственном состоянии? Уничтожить человечество и попробовать «дубль-два»? Но ведь бунт в Эдеме — это не история из фильма «Восстание машин», снятого Кристофером Хаттоном в 2011 году! Адама нельзя было переплавить или перепрограммировать, его нельзя

было модернизировать, учитывая прежние ошибки. Адам был «душою живою» (Быт. 2:7). Его существование было подобно лучу, фигуре из планиметрии, имеющей начало, но не имеющей конца! Ввиду вечной природы Адама, Бог начинает сложный, долгий и неимоверно тяжелый труд по освобождению человека из плена, в который тот попал по собственной воле. Этот труд начинается с ограничений и наказаний. Именно эти радикальные сдерживающие меры являются первыми проявлениями Божественной благодати по отношению к падшему людскому роду. Господь являющий Свою благодать в наказаниях, открывает в полноте все величие Своего милосердия.

Смерть

◆ Еще до того, как произошло отпадение Адама от Бога, прозвучало Божье предупреждение: «Если вкусишь от Древа познания — умрешь!» (Быт. 2:17). Многие выражают сомнения в том, что Адам до конца понимал, что такое смерть. Ведь у него не было опыта наблюдения за этим явлением со стороны. Он еще не был знаком с явлением смерти, как многие из нас незнакомы с опытом переломов костей. Однако Адам отчетливо понимал, что смерть — что-то совершенно враждебное, чего следует избегать.

В момент вкушения запретного плода, человек перешагнул точку невозврата, после которой «по-умолчанию» включилась та мера наказания, которая лишила его возможности жить вечно. Адам стал смертным. Повреждение природы внезапно коснулось его естества, произошел разрыв невидимой нити жизни, связующей его с Богом. Будто бы Бог выпустил эту нить из Своих рук! Человек же еще

продолжал держать ее, ничего не подозревая о той трагедии, которая уже свершилась — он стал смертным. Сразу же за грехом запустился механизм старения; тление овладело всем, устремляя тела к неизбежному разрушению.

нали о том самом ангеле с обращающимся мечем, поставленным у входа в Рай. Они напоминали о той величайшей утрате, словно говоря входящему в Скинию: «Там, внутри — жизнь! Но здесь, где стоят твои ноги, — смерть! Помни о смерти!»

В существе человека воплотилось противоречие тварной конечности и неистребимой силы бессмертной души. Творец Сам сотворил Себе такой камень, который не в состоянии был сдвинуть с места. Название камня — адамова свобода выбирать.

Необходимо подчеркнуть, что смерть — это не случайное явление, не ошибка природы, не что-то вышедшее из-под Божьего контроля. Смерть — это волеизъявление Самого Бога по отношению к падшему человеку. Как бы страшно это не звучало, Бог послал смерть в мир падшего человека. «Смертью умрешь!» (Быт. 2:17) — Божье повеление и предупреждение, затем углубленное и конкретно выраженное в последующем изгнании людей из Рая. Словно торопясь, Бог изгоняет их из Эдема, ограждая от них Древо жизни, чтобы вдруг что-то не изменилось, чтобы смерть не встретила препятствий на своем пути! Можно вообразить себе, как Адам бросает прощальный взгляд на Древо жизни, навсегда сделавшееся недоступным для него! Об этом источнике жизни можно теперь забыть на долгие тысячелетия, вплоть до времени Откровения Иоанна, где мы вновь находим его открытым к использованию всем людям, вошедшим в Небесное Царство. Остались лишь некие намеки, образы, рождающие грусть: мы видим очертания Древа в листочках и яблоках, украшавших убранство Скинии Моисея. Но херувимы на завесе в Скинии так недвусмысленно напоми-

Так поступил Отец по отношению к своим детям. Убил ли Он их? Нет. Оставил ли им жизнь? Да, но ограничил ее во времени. И все же, первые поколения людей жили невероятно долго, по нашим меркам. Не исключено, что Адам видел новорожденного Ноя, с именем которого будет сопряжено другое Божье наказание. Что испытал Отец, «спуская смерть с поводка»? Писание выхватывает из священной истории скупые описания Божьих слов, перемежая их с описанием растления рода человеческого. Повествование Библии лишь немного приоткрывает то, что переживал Отец, и Его переживания всегда трагичны: Он скорбит (Быт. 6:6). Он сокрушенно восклицает: «Куда вас еще бить?! Я уже не знаю, как наказать вас! На вас уже нет живого места, но вы продолжаете враждовать со Мной!» (Ис. 1:5).

Скорбь

◆ Однако смерть была лишь началом Божьих наказаний. Еще вкус запретного плода был во рту Адама, как Бог изрекает проклятие. Но оно адресовано не человеку — земля проклята вместо него. Оно актуализуется

в том, что вся гармонично устроенная система бытия, венчаемая людьми, нарушается. Человек, ее «бог и первосвященник», приводивший ее в поклонение Всевышнему, сам сделался богопротивником. Природа была обезглавлена. Поэтому вместо злаков и добрых плодов, она стала стремиться принести «тернии и волчцы» (Быт. 3:18). Когда-то Адам обладал властью над нею, он «возделывал ее и хранил» (Быт. 2:15), теперь же его участь — быть ее рабом и «со скорбью питаться от земли» (Быт. 3:17).

Здесь же Бог обращается и к Еве. Его слова звучат как раскаты грома: «И беременность и рождение детей будут связаны со скорбью!» Одно из главных предназначений Евы: стать матерью всех живущих, будет тяжким трудом, связанным с болезнями и страданиями (Быт. 3:16). Тяжкое разделение труда по половому признаку (добывать хлеб — для мужчины, и рожать детей — для женщины) отныне стало неизбежной участью. Примечательно то, что Бог в этом случае говорит о способности рожать: о плодородии земли и о чадородии людей. Земля будет рожать со скорбью, борясь с сорняками, принося скудный плод для пропитания человеку. Жены будут мучиться родами, приводя в этот мир потомство.

О, сколько раз потом эта скорбь пронизывала человечество! Сколько раз земледelec с болью глядел на небо, не дающее дождя, разминая в ладони прах, который должен был передать жизнь растениям! Сколько стонов и проклятий было исторгнуто иссохшими устами умирающих от голода, не получавших от земли плода! Сколько матерей плакало над своими погибшими сыновьями, с такой скорбью пришедшими в этот мир! Не избежала

этой участи и Мария, пронзенная орудием скорби, обнимая снятого с креста Иисуса. Она, как представитель человечества, испытала муки рождения и муки потери Сына. Она была дочерью той самой Евы, которая стояла тогда в Раю, опустив голову от стыда и ужаса осознания соделанного. В Марии открылись, как вся полнота страданий человечества, так и победа над искусителем, накормившим когда-то Еву запретным плодом. Дочь Евы в муках родила Того, Кто растоптал древнего змея. Скорбь ее потом обратилась в торжество жизни над смертью.

Так что же, скорбь, объявляющая процесс рождения, труда и питания, — это также действие любящего и надеющегося Бога? Это Он допустил такое, чтобы Адам и Ева потеряли возможность наслаждаться первозданным изобилием и миром? Так, где же Его любовь к человечеству? Неужели она закончилась? Нет, она только начинает проявляться в полной своей силе!

Изгнание

◆ После того, как человек посягнул на звание «бога», и обрел таинственное знание о добре и зле, Господь изгнал его из Рая. Причина была не только в том, что Древо жизни представляло опасность для грешника: исход Адама из Рая был естественным продолжением движения в противоположную сторону от Бога. Он уже сам не мог быть рядом с Творцом, он боялся своего Отца. Эдемские кущи сделались для человека убежищем от взгляда Бога. Громадная пропасть пролегла между ними: вместо любви — страх, вместо общення — отчужденность, вместо доверия — желание скрыться.

Что же испытывал Господь, провожая людей в самостоятельную жизнь? Отправляя их в мир, полный испытаний, Он испытывал то же, что и тот отец из новозаветной притчи, отпустивший блудного сына с вероломно захваченным кошельком наследственных денег (Лук. 15:11-13). Фрески Мазаччо и Микеланджело изображают боль и страдание на лицах людей, изгоняемых прочь из Эдема. Но что же можно было видеть на лице Бога в тот момент? Скорбь, и ничего кроме скорби! Но вместе со скорбью Он знал, что по-другому нельзя.

Изгнание из Рая означало то, что непосредственное общение между человеком и Богом больше невозможно. Невозможными сделались встречи «в прохладе дня» для мирных бесед. И, хотя уже в четвертой главе Бытия мы находим описание многократных обращений Бога к людям, общение было прервано. Контакты Творца и людей, описываемые в истории потомков Адама, начинают характеризоваться в большей мере, как речь Бога к людям, донесение каких-то вестей, как предостережение и наказание. Изгнание из Рая перевело человека в совершенно новую реальность богообщения. Это — реальность встречи грешника и Святого. Уже дети Адама приносят жертвоприношения, сжигаемые огнем, проявляющие первые признаки ритуализма в отношении Бога и человека. И хотя жертвы были выражением состояния сердца, странным было бы вообразить себе жертвоприношение в Раю: оно было бы совершенно неуместным там. Жертвоприношение — свидетельство об осознании человеком своей разобщенности с Вечным, и попытка преодолеть эту разобщенность с использованием подношений, оторванных от собственного благополучия.

Проклятие

◆ Несмотря на изгнание из Рая, первые люди продолжали жить, и у них родились дети: Каин — «приобретение от Бога», и Авель — «дуновение». Пройдя сквозь родовые муки, Ева утешилась рождением сыновей. Надежда на будущее, и грусть от утра- ты воплотились в их именах. Она верила, что еще не все потеряно, что приобретение нового человека откроет дорогу в мир будущего. Но краткость и уязвимость этой надежды выразилась в имени младшего сына: Авель-дуновение — символ краткости и нестабильности человеческой судьбы.

Дети выросли, и каждый избрал занятие для себя: Каин стал земледельцем, Авель — животноводом. В их деятельности выразилось новое качество бытия: Каин возделывал землю, противостояя человеку. Авель разводил домашний скот для употребления в пищу: плотоядность навсегда сделалась нормой жизни. Но зло, притаившееся внутри сердец первых людей, поджидало и их детей. После опыта жертвоприношения, когда Господь избрал жертву младшего брата, горечь и обида начали свою разъедающую работу в сердце старшего. Стоя перед жертвенником, Каин замыслил злое. Камертон, звучавший некогда в сердце Евы, вдруг зазвучал и в его душе. Грех настойчиво стучался в двери сердца, призывая выплеснуть негодование на Бога.

И Каин отомстил Богу в лице своего младшего брата. Поднимая орудие убийства, он заявил открытый протест против Всевышнего. Узурпируя Божье право давать и отнимать жизнь, Каин бросил вызов Творцу. Здесь уместным будет вспомнить Раскольникова, героя романа Федора

Достоевского, также решившегося на убийство. Идея, подвигнувшая его на преступление, та же, что и у Каина: «Тварь ли я дрожащая, или я право имею?»¹³ Убивая Авеля, возмущенный Каин словно пытался напомнить Богу, что Тот – не единственный Бог во вселенной: есть еще другие «боги», знающие добро и зло, берущие на

страх за свою собственную жизнь мы наблюдаем в его речах.

Тогда Бог вновь говорит то, чего не хотел бы говорить: «Ты будешь скитальцем и изгоем» – провозгласил Господь (Быт. 4:12). Среди грешного люда, Каин получает особое презрение и ненависть. Вновь звучит слово

Первый, рожденный на земле человек, первым встал на путь незаконного присвоения себе власти над жизнью другого человека, власти принадлежащей одному только Богу. Наказывая убийцу, Господь как бы провозгласил абсолютность морали, «сходящей свыше» и обязательной для исполнения.

себя ответственность не просто рассуждать, но и творить суд! И, как Раскольников, убивая процентщицу, доказывал себе, что он – не червь и не насекомое, что он «имеет право», также и Каин, убивая Авеля, демонстрировал себе и Богу что он имеет право гневаться и творить суд!

Знал ли Каин о том, что повлечет за собой смерть брата? Предвидел ли, что его потомство, все до единого, будет уничтожено в водах Потопа? Думал ли о матери Еве, оплакивающей Авеля, так же как через несколько тысячелетий Мария будет оплакивать мертвого Иисуса? Воплотившийся в Еве образ Пьеты – первое свидетельство смерти, вопиющей о несправедливости. Думал ли Каин об этом? Скорее всего, нет. Его мысли, как и у всякого грешника, были устремлены к объекту возмездия: он бунтовал против Бога. Поэтому он так злобно отвечает Всевышнему на вопрос о том, где его брат. Ни малейшего чувства раскаяния, лишь протест и

«изгнание», некогда обращенное к Адаму и Еве. Бог определяет Каину быть «изгнанником и скитальцем на земле» (Быт. 4:12). Среди падшего человечества Всевышний, словно подчеркивает и выделяет особым отношением тех, кто упорно идет против Его воли и губит своих ближних. Против них направлена Его очередная мера, призванная ограничить разгул насилия в мире. Даже среди грешников дело, свершенное Каином, приобретает значение преступления. Не поэтому ли всеобщая ненависть обращается против него настолько, что всякий, встретившийся с ним, был готов убить его? Его проклятый род противопоставляется в Писании роду Сифа так, как человеческое противопоставляется Божьему.

«И пошел Каин от лица Господнего» (Быт. 2:16). Трагедия человечества усугубляется целенаправленным стремлением грешника в противоположную сторону от Бога. Мятающийся грешник бежит от Творца, надеясь обрести счастье и смысл вдали от Него. На полотне Фернана Кормона

¹³ Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание. – С. 671.



Бегство Каина (фрагмент). Кормон, Фернанд. Музей d'Orsay, Париж

Каин изображен изможденным стариком, вечно убегающим по пыльной сухой долине, ведущим за собой свою измученную семью в никуда. Его мускулы напряжены, его горящий взор устремлен вдаль. Как будто бы беглецы вот-вот достигнут заветного оазиса, где их многострадальный бег окончится! Но впереди, там, куда они так стремятся, лишь та же самая красная пыль, которая взмывается вверх, поднятая движением их ног!

Краткость дней жизни

◆ Библейский автор спешит далее, выхватывая из потока Истории яркие моменты. Вторая половина четвертой главы Бытия продолжает историю каинитов. Человечество в полной мере познало добро и зло. Деторождение, строительство городов, страсть, любовь, изобретения, искусство — все сплелось в едином клубке жизни. Именно потомки Каина осуществили неолитическую революцию, перейдя от собирательства выросших по Божьей милости плодов земли, к решительному их производству. Цивилизация, стремящаяся прочь от Бога,

неизменно вела к безнравственности, к жестокости и бахвальству. Ламех, шестой по Каину, первый многоженец, отец патриархов металлообработки, организованного сельского хозяйства и музыки, сочиняет гордую песнь:

Слушайте меня, Ада и Цилла!
 Слушайте, жены, что я скажу!
 Если ранит меня мужчина — убью!
 Если мальчишка ударит — убью!
 За Каина будет отомщено семикратно,
 а за Ламеха — семьдесят раз и
 семикратно!^[4]

Увы, Ламех — это Каин, возведенный в седьмую степень: та же каинова печать проклятия отмечает его чело. Но Ламех — это уже не скиталец и беглец от Лица Господнего, но гордый противник Божий, потрясающий перед Ним мечем, который выковал сын Тувалкаин. Его дети обуздали стихии, приручили животных, их музыка принесла мнимое утешение в этот мир протеста и независимости от Бога.

Сиф, третий сын Адама и Евы, рожденный после трагедии Каина, — очередная попытка родителей утвердиться в этой жизни. Сиф — новая надежда, новое поколение, новый тип

^[4] Быт.4:23-24, Ветхий завет. Перевод с древнееврейского. Бытие / Пер. М. Г. Селезнева.

людей в противовес потомкам Каина, бежавшим на восток от Эдема. Родословная потомков Сифа, лаконично показанная в пятой главе Бытия, включает Еноха-праведника, не увидевшего смерти, Мафусала-долгожителя, предзнаменование грядущей трагедии, и Ноя — надежду человечества. Род сифитов (названных позднее «Божьими сынами») существовал

было что-то исправить. Слова Господа звучат таким же императивом, как и повеление светилам — быть на тверди небес (Быт. 1:14). А это значит, что Творец снова что-то радикально менял в первоначальном замысле. Это повеление — новое ограничение человека. Не вечно ему пренебрегать Творцом, полагая надежду на собственные силы! Исполинские потомки смешан-

Именно радикальные сдерживающие меры в виде ограничений и наказаний являются первыми проявлениями Божественной благодати по отношению к падшему людскому роду. Господь, являющий Свою благодать в наказаниях, открывает в полноте все величие Своего милосердия.

восемь поколений, вплоть до Потопа. Однако эти века не принесли положительных перемен в судьбе человечества; напротив, уже в шестой главе мы видим, что доброе было поглощено злым. Мы видим, как «сыновья Божьи» потянулись к «дочерям человеческим», создавая с ними греховные брачные союзы. Семя Сифа было замутнено, словно в сосуд с чистой водой капнули чернил. Отношение людей к Создателю сделалось крайне пренебрежительным. Бог будто бы стал совершенно не нужен им; достижения цивилизации заменили Его.

И тогда Бог изрек роковой приговор: «не вечно!» (Быт.6:3). Господь ограничил время, в которое можно одуматься, раскаяться и измениться: «Пусть будут дни их сто двадцать лет!» Создатель начал обратный отсчет времени, отпущенного человечеству, во время которого оставалась еще возможность покаяться^[5]. Для развращенного рода, презревшего Творца, оставались еще сто двадцать лет, в которые можно

ных родов, как символ буйной силы человеческой породы, были обречены сгинуть в водах Потопа!

Суд над нечестивыми

◆ Потоп не пришел внезапно. Это стихийное бедствие не было подобно цунами, заставшим врасплох беспечных людей. Потоп был спланированным Божьим проектом, быстрота осуществления которого зависела от скорости работы топоров Ноя и его сыновей. Несколько десятилетий трудился Ной, неутомимо созидавая гигантский корабль. За эти годы люди привыкли к «стройке века», как привыкают к дремлющим вулканам жители океанских островов. Ковчег Ноя стал для них неотъемлемой частью пейзажа. Лишь изредка старик беспокоил народ своими речами. Его проповедь могла быть предельно краткой, подобной проповеди Ионы в развращенной Ниневи: «Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена!» (Иона. 3:4). Но люди не поверили Ною и не покаяться от его проповеди.

[5] Каррид, Д. Бытие. — С. 177.

Они продолжали жить обычной жизнью: «ели, пили, женились и выходили замуж... и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех» (Мф. 24:38,39). Кому-то повезло состариться и умереть в этот период; а кому-то, напротив, не повезло родиться, вырасти, создать семью, родить своих детей.

Для того чтобы понять поведение современников Ноя, которых евангелист представляет нам как «не догадывавшихся ни о чем»^{16]}, следует внимательно прочесть текст из Послания к римлянам:

«Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду людей, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны». (Рим.1:18-24).

Апостол Павел, спустя тысячелетия после Потопа, объясняет причину безумного поведения соплеменников Ноя: она в том, что отвергнутый ими Бог, позволил им жить так, как им хотелось! Творец, явив Себя людям в общем откровении, и получив отказ в их сердцах, с печалью отступился от них, позволив «похотям и нечистоте» владеть их умами. И здесь мы видим крайнюю степень заблуждения: безумцы считали сумасшедшим праведника, единственного верно понимавшего сложившуюся ситуацию! Это ли не предел профанации творения?! Это ли не финал человеческого рода?! Люди словно поменялись местами с бессловесными животными, по велению инстинктов повинующимися боже-

ственной воле, занимающими свои места в ковчеге, в то время как они, имеющие от природы способность рассуждать и слышать глас Божий, уходили прочь от спасительного корабля!

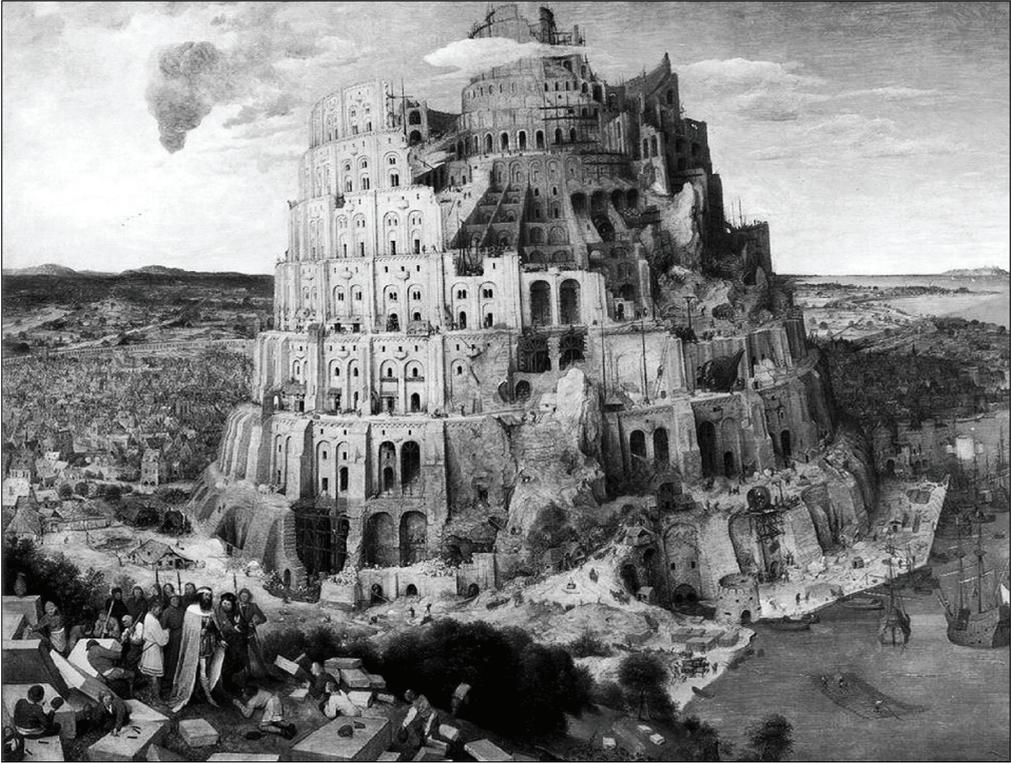
Потоп уничтожил совершенно разложившееся, не пригодное к исправлению человечество. Творец очистил землю от сгнившего человечества. Ковчег — спасительное лукошко, в котором поместились восемь плодов, которые будут посажены на обновленной земле. На них возлагалась вся надежда на будущий урожай.

Рассеяние

◆ Но что же изменилось после Потопа? Пошла ли История по другому пути? Стал ли человек лучше? К сожалению, люди остались грешными, как и прежде. Всего восемь человек вышло из ковчега; но в каждом из них таились Каин и Ламех, ждущие своего часа. Как видим, ждать не пришлось слишком долго: уже в середине девятой главы Бытия мы читаем о мерзком поступке одного из сыновей Ноя, повлекшем проклятие отца (Быт. 9: 20-29). Потоп лишь сократил популяцию грешников, но не искоренил грех.

Послепотопная цивилизация развивалась еще активнее, чем это было до уничтожения первого мира. Три мощных родословных ветви потомков Ноя произрастили многочисленное потомство, объединенное одним языком. Библейский автор представляет в виде родословий целые периоды, вероятно, покрывавшие столетия. Стремительность библейского повествования говорит лишь об одном — все осталось по-прежнему. Человечество с новой силой начало самоутвер-

^{16]} Мф. 24:39, Радостная Весть.



Вавилонская башня. Брейгель, Питер, 1563 г. Kunsthistorisches Museum Wien, Вена.

ждаться в собственной независимости от Творца. Равнина Сенаарская, лежащая между Тигром и Евфратом, стала колыбелью шумерской цивилизации, древнейшей в Истории.

Ной еще был жив, когда один из его многочисленных потомков, отличавшийся особой лидерской харизмой, объединил племена под своей властью, став первым царем в Истории. Имя ему – Нимрод. Символизм его имени (в переводе с древнееврейского – «восстанем») характеризует его как человека, готового противостоять Богу. Нет прямых библейских свидетельств о том, что именно в его царствование человечество совершило новый акт бунта против Бога, затеяв грандиозную постройку – Вавилонс-

кую башню. Но изустная традиция, на которую опирается Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях», свидетельствует, что Нимрод, сильный и жестокий правитель, добившийся от своего народа полного подчинения, отдает приказ «сделать имя, прежде рассеяния по всей земле»^[7]. Башня, которую они начали строить, предназначалась не для того, чтобы дать кров и приют жителям. Цель строителей была в том, чтобы заявить о себе, построить что-то такое, что будет наводить ужас на врагов и вызывать уважение у последующих поколений.

Художник Питер Брейгель Старший изобразил Нимрода на фоне гигантской башни, верхние ярусы которой окутаны облаками. Фигура царя, контролирующего работу каменотесов, доминирует на переднем плане картины. Рабочие в низком поклоне

^[7] Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т.1. – С. 45.

склонились пред ним. Сама башня на картине так напоминает Римский Колизей, символ мучений первых христиан! Гигантомания и уничтожение человеческого достоинства — вот как можно было бы охарактеризовать весь этот проект. Будто бы допотопные нефилимы восстали, чтобы снова заявить о себе!

Бог не мог молчать, глядя на совершающееся действие. Принимая во внимание упорство человеческого сердца, движимый, одновременно, чувством нескончаемой любви, Господь делает людей чужими друг другу. Он лишает их главного объединяющего фактора — способности коммуницировать через речь! Незыблемое царство Нимрода рухнуло в один миг. Ничто не могло заставить людей продолжить строительство: ни сила меча, ни высокая идея, ни желание славы. Нимрод из гордого властителя превратился в полоумного великана, изображенного Данте в «Божественной комедии» охраняющим один из адских кругов, бессвязно бормочущего на непонятном языке^[8].

Смешение языков привело к формированию отдельных народов, рассеявшихся по всей земле. Спустя тысячелетия после сотворения мира люди вступили в новую фазу — отчуждения не только от Бога, но и друг от друга. Это Божье наказание, отменявшее еще один элемент первозданного замысла, в действительности, было несомненным благом для падшего и бунтующего человечества. Через семь поколений после Нимрода, в недрах кочевого племени, появится Авраам, которого Сам Бог назовет Своим другом.

^[8] Алигьери, Д. Божественная комедия. Ад. Песнь 31. — С. 144.

БЛАГОДАТЬ НАКАЗАНИЯ

◆ Десять поколений прошло от Адама до Ноя. И еще пять от Ноя до Нимрода. Всего одиннадцать глав Библии описывают этот период. В первых двух главах звучит гимн творения и надежды. Появляются небо и земля, суша и океаны, растения и живые существа. Финалом этого гимна, самым содержательным и ярким его куплетом, стало сотворение человека. Весь потенциал и вдохновение Творца реализовались в Адаме. Ведь он был не просто часть творения, а главный действующий персонаж, ради которого был реализован весь этот грандиозный проект. Земля, сотворенная по антропному принципу, была создана как уютный дом, в котором люди могли бы жить вполне счастливо и спокойно.

Но уже в третьей главе звучат тревожные ноты. Предвестником беды в повествовании является новое существо, о котором мы не слышали до этого: змей, который был «хитрее всех зверей», и который человеческим голосом обращается к Еве, искушая и побуждая ее усомниться в Божьей любви. Плод Древа познания добра и зла вызывал у Евы тройственное искушение: он мог насытить, был прекрасен на вид и давал власть над знанием. Эта триада присутствует и в искушении Христа в иудейской пустыне все тем же змеем: «ешь, наслаждайся, владей!» (Лук. 4:1-13).

Евангелист Иоанн в своем послании назовет эти три магистральных искушения человечества: «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1 Ин. 2:16). Три страстных желания правят падшим миром: быть, обладать, выглядеть! Эти три главных стимула двигают вперед прогресс,

предлагая людям мнимое успокоение запретного плода: жизни, свободной от власти Творца.

Начиная с третьей главы Бытия, мы наблюдаем планомерное разрушение первозданной гармонии, будто бы Бог сдает невидимому врагу одну позицию за другой. Человек уходит все дальше и дальше от Творца, каждое его самостоятельное действие — осознанный бунт против Всевышнего. Господь, как кажется, безуспешно прилагает усилия, пытаясь остановить натиск зла. Он, как спасатель, пытается подставлять подпорки под рушащееся здание, но все они с треском ломаются. Особенно трагично это наблюдается в Потопе, унесшем человеческие жизни (кроме, лишь восьми душ) и опустошившем всю землю. Всевышний налагает одно за другим жесткие ограничения на жизнь человека: смерть, скорбь, изгнание из Рая, болезни, сокращение срока жизни, уничтожение нечестивых, разделение и рассеяние — это не просто последствия трагичных обстоятельств, сложившихся вследствие нравственной трагедии человека. Внимательно читая первые 11 глав Библии, можно увидеть, что каждое из этих ограничений наступило по прямому указанию Всевышнего!

Смерть и жизнь

◆ Почему Бог позволил смерти войти в мир? Самым простым ответом на этот вопрос было бы утверждение о том, что смерть — есть естественное следствие греха, неотделимое от его природы. Смерть немыслима без греха, равно как и грех немыслим без последующей смерти. Они как аверс и реверс монеты не существуют друг без друга.

Примечательно, что смерть, вошедшая в мир в момент грехопадения, «в тот же день» (Быт. 2:17), и поразившая Адама, обрела свою первую жертву в лице его сына Авеля, павшего бездыханным от руки Каина. Этот временной разрыв объясняется тем, что духовная смерть человечества в лице Адама, наступившая немедленно после вкушения Адамом запрещенного плода, не тождественна биологической смерти. Адам, хоть и умер духовно после акта неповиновения, но физически продолжал жить. И лишь спустя долгие годы, когда умножились люди на земле, смерть стала выхватывать из их среды одного за другим. Творец утвердил закон греха и смерти, как новый закон природы, переводящий всё живое от вечного — к временному, от нетленного — к разрушающемуся. Весь ход Истории с появлением смерти получил новое направление — жизнь в ожидании смерти! Все дела на земле стали вершиться в свете простой истины: всё подлежит тлению!

Но есть ли что-либо неподконтрольное Богу? Нет. Смерть — это не просто неизбежное трагичное следствие грехопадения, с которым невозможно никак совладать, настолько фатальное, что даже Всевышний обязан покориться законам, автором которых являлся Он Сам. Смерть — это один из способов достижения Творцом цели — не дать грешнику жить вечно. Допуская смерть в мир, Господь открыл возможность для умирания греховной плоти человека. Это удивительно, но аверс монеты может быть уничтожен только вместе с ее же реверсом! Вкусив запрещенный плод, отделившись от Бога, человек умер духовно, и Господь лишил его возможности жить вечно физически,

чтобы, как говорит Ириной Лионский, «грех его не был бессмертен и зло — бесконечно и неисцельно»^[9].

Смерть стала свидетельством того, что земной Рай отменяется и переносится на Небеса. Отныне искать его нужно не на земле, не в этой жизни, а в иной, потусторонней, вход в которую возможен только через возвращение к отвергнутому Отцу. Неотвратимость смерти явилась непрестанной проповедью, через которую Бог обращает мысли человека к вечному. Бездыханное тело наглядно демонстрирует утрату чего-то, не видимого глазу, но очень важного — души, покинувшей свою обитель и водворившейся в иных мирах. Вопрос, озвученный устами Иова, «когда умрет человек, то будет ли он опять жить?» (Иов. 14:14), многократно звучавший в Истории, приводил к неизменному размышлению, как о природе смерти, так и о возможности воскресения. Торжество смерти обеспечило торжество воскресения: смерть, будучи попранной собою (1 Кор. 15 гл.), пройдя через отрицание самой себя в явлении воскресения Христова, превратилась из врага в покорного слугу и союзника Бога.

Скорбь и раскаяние

◆ Скорбь, как естественное следствие грехопадения, коснулась всех сфер человеческого бытия. Причина этого была не только в том, что разорвалась нить, связывавшая человека с Богом, повредился канал, по которому Творец поставлял жизнь своему созданию. Скорбь появилась как следствие разрыва связей между человеком и всем остальным тварным миром. Тот мир, над которым был поставлен Адам, чтобы «возделывать

и хранить его» (Быт. 2:15), перестал быть ему послушен. Земля вместо положенных добрых плодов стала произращать тернии и волчцы. Природа отвергла власть Адама, владычествовавшего прежде над нею (Быт. 1:28). Моральное зло отступления от Бога породило природное зло — протеста всей твари против человека, заставившего ее «стенать и мучиться» (Рим. 8:22). Горы разверзлись и потекли потоки раскаленной лавы, океаны возмутились всепотопляющими волнами, звери, ощутив вкус крови, престали быть безопасными для людей. Бесчисленные бактерии, вирусы и паразиты ополчились против человека и всего живого, производя болезни и уничтожая слабейших. Человек познал зло, страдания и страх.

Творец послал страдания в мир, провозглашая тем самым одну простую истину — свобода от Бога губительна! Скорби и беды понуждали человека вслушиваться и вдумываться в эту весть, возвращая его мысли к главному вопросу: «можно ли что-то исправить в этом мире?» Божьи указатели истины свидетельствовали о реальном положении человека в мире, о том, что подготовка к смерти начинается в момент рождения. После грехопадения, к величайшему сожалению, лучшее время жизни стало проходить в трудах и болезнях (Пс. 89:10). Каждый взмах мотыгой свидетельствовал земледельцу о его зависимости от высшей воли Того, Кто является абсолютным Владыкой мира, с законами Которого необходимо считаться. Моисей, Божий человек, сравнивает жизнь человека с полевой травой, вырастающей утром, а к вечеру увядающей. Он, изведавший скорби на своем веку сполна, видит пользу страданий в том, что они помогают приобрести

^[9] Ириной Лионский. Творения. — С. 310.

«мудрое сердце», способное верно разбираться в житейских вопросах. Ему вторит Соломон, призывая «размышлять в день несчастья» (Еккл. 7:13). Ведь цель скорбей, допущенных Создателем в мир — обратить взгляд падшего человечества на единственный источник спасения: на Него!

Изгнание и возвращение

◆ Рассуждая о смысле Божьих действий, направленных на падшее человечество, мы должны помнить, что они — не отчаянный ответ Бога на очередное неповиновение мятежного человеческого сердца. Думать так о Всевышнем было бы оскорблением! Лишь ум непросветленного благодатью человека может вообразить, что Бог мечется из крайности в крайность, пробуя то один, то другой способ укрощения человеческого бунта. Пример подобного искаженного мышления мы находим в произведении Льва Толстого «Труд, смерть и болезнь», в котором он изображает именно такого «бога», безрезультатно ищущего решение нравственной проблемы человечества, и, наконец, оставляющего людей на произвол судьбы^[10].

В действительности же, еще при начале сотворения мира, когда вспыхивали новые звезды, а наблюдавшие за этим «сыны Божии (ангелы) восклицали от радости» (Иов. 38:7), Господь знал о пути, которым предстоит пройти. Он знал о том, что когда-то придется изгнать из Рая своего любимого сына, отправив его в наполненную скорбями и опасностями жизнь. Но это было так же необходимо, как новозаветному родителю нужно было

проводить блудного сына во мрак хмельной ночи для того, чтобы позднее встретить на пороге совершенно нового человека, обретшего незыблемую веру в любовь отца.

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Эдемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт. 3:22-24).

Кого имел ввиду Творец, когда говорил о познавших добро и зло? Себя ли? Ангелов? А может быть и дьявола также? Возможно, всех перечисленных. Все они понимали ужас греха, в особенности сатана, уже пожавший плоды своего противления Всевышнему. Изгнание из Рая лишало человека возможности вкусить плодов Древа жизни, и тем самым обессмертить свое существование. Господь не хотел, чтобы Адам повторил судьбу дьявола, добавив к своему бунту еще и вечную жизнь, поскольку вечная жизнь без Бога — это вечное мучение. Это то, что познал дьявол: он уже стал таким существом, живущим вечно, но оставшимся без Бога. В свете этой мысли, изгнание Адама из Рая — акт Божьего милосердия. Оно — прообраз изгнания из вечной жизни грешников, которым жизнь вблизи Бога была бы нестерпимо мучительна! Преисподняя оказывается для их сущности лучшим местом, чем огонь Божьего присутствия! И совершенно точно подметил Иоанн Златоуст, что «Бог потому и благ, что геенну сотворил!»^[11].

[10] Толстой, Л.Н. Труд, смерть и болезнь.

[11] Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т.ХI. Кн. 2. СПб. М. 1905. С.905.

Сколько времени простоял Херувим у врат Рая? Неизвестно. Кроме третьей главы Бытия мы не находим больше упоминания об этом таинственном страже. Что произошло с Эдемом? Пришел ли он в запустение? Смешался с окружающей средой, или растворился как фантом? Где находится само место Рая? Правверные евреи счита-

Убийство и право на жизнь

◆ Рождение Каина – первенца Адама и Евы – было выражением призрачной надежды первой семьи на счастливую жизнь. Впервые испытал муки рождения, Ева с надеждой воскликнула: «Приобрела я человека от Господа!» (Быт.4:1). Думала ли она

Изгнание из Рая лишило человека возможности вкушать плоды Древа жизни, и тем самым обессмертить свое существование. Господь не хотел, чтобы Адам повторил судьбу дьявола, добавив к своему бунту еще и вечную жизнь, поскольку вечная жизнь без Бога – это вечное мучение.

ли, что земля, обещанная Богом Аврааму, – и есть тот потерянный Рай. Не исключено, что странствуя по пустыне во времена Исхода, они были уверены, что возвращаются в Эдем. Но, придя в Ханаан и отвоевав землю у язычников, они не нашли там того самого Рая. Изгнание Адама навеки отняло у человечества возможность ступить ногой на заветную землю Эдема. Теперь поиск общения с Всевышним должен был быть сосредоточен на исполнении Его воли в повседневной жизни, в приучении своего сердца видеть Бога в обычных делах, подкрепляя себя молитвой и соблюдением Его заповедей. Рай предписывалось искать внутри себя, в глубинах смиренной души. Таким образом, изгнание из Эдема стало началом возвращения в него; началом большого пути домой! Бог изгнал людей из Сада, и это было крайне необходимо в тех обстоятельствах, потому что давало шанс вернуться в новый Рай «новому Адаму».

тогда, что имя ее первого сына станет символом позора и проклятия, а «окаянными» будут называть отпетых преступников? Ей не могло прийти в голову, что весь род ее первородного сына будет проклят и полностью уничтожен!

Первый рожденный на земле человек, первым встал на путь незаконного присвоения себе власти над жизнью другого человека, власти, принадлежащей одному только Богу. Наказывая убийцу, Господь как бы провозгласил абсолютность морали, «сходящей свыше», независимой от людского мнения, и обязательной для исполнения. Эти правила общежития были даны свыше как данность, как закон. Именно против этих правил и восстал Каин. Он жаждал прикончить в лице Авеля Самого Творца, склонявшего его к подчинению высшему естественному закону жизни^[12], к подчинению той высшей морали, которая терзала его душу.

Бегство от лица Божьего (Быт.4:16) обнажило пустоту в душе Каина. Пустоту смысла, требующую напол-

^[12] Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. – С.272.

нения. Каин стал скитальцем на земле и нашел прибежище на востоке от Эдема в земле Нод, став прообразом беглецов-убийц, также искавших убежища в городах «к восходу солнца» (Втор. 4:41-42). Первый цивилизатор, он строит первый город, укрепляясь в практике жизни по собственным правилам, бросая вызов Творцу.

Итак, проклятие убийцы, обрушившееся на Каина после того как Авель пал бездыханным, несло в себе элемент Божьей благодати для людей: Бог провозгласил право всякого человека на жизнь! Может быть, это и звучит парадоксально: Бог, позволив смерти действовать в этом мире, провозглашает право Авеля на жизнь, гневно осуждая убийцу! Но странного здесь ничего нет, ибо Творец оставляет за Собой исключительное право давать и отнимать жизнь, осуждая попытку узурпировать это право кем-либо из грешников. Проклятие и изгнание убийцы, совершенное самим Богом, декларирует это положение вещей как всеобщий закон, нарушающие который подпадают под Его гнев.

Краткость дней жизни и вечность

◆ Прогрессирование греха, его лавинообразный рост достиг некоего предела тогда, когда род Сифа (третьего сына Адама) смешался с потомками Каина. Библейский автор подчеркивает этот факт, как выражение независимости человеческой расы от Бога, развивающейся по пути укрощения природы и удаления от Бога. Союз сифитов и каинитов дал многочисленное потомство исполинов, людей славных, но безбожных. Человек обрел мнимую надежду и опору жизни: опыт Каина (опыт жиз-

ни без почитания Бога) распространился на все человечество.

Тогда Всевышний решительно заявил о пределах и сроках: «Пусть будут дни их сто двадцать лет!» (Быт. 6:3) – постановил Он, устанавливая пределы распространения греха. Творец словно делает своеобразное предисловие к грядущим событиям Потопа. Как земледелец, собирающийся выкорчевать одичавшие лозы, осматривает их и в последний раз – не найдется ли затерявшаяся гроздь, – так Господь не сразу предпринимает радикальные меры по исправлению греховного человечества. Его решение продиктовано высшей мудростью и милостью к людскому роду. Роковое «не вечно!», прозвучавшее тогда по отношению к отступникам, – это лишь обратная сторона Его сущности, которая «не до конца гневается, и не вовек негодует!» (Пс. 102:9).

Суд над нечестивыми и надежда

◆ Всемирный Потоп был настолько ужасной катастрофой в Истории человечества, что даже языческая мифология многих древних народов хранит сказания о Потопе. Эпос шумеров и аккадцев с главными героями Утнапишти и Зиусудрой, соответствующим библейскому Ною, в поразительно схожих деталях описывают Потоп как наказание богов. Невероятные масштабы Потопа были Божьим ответом на невероятные масштабы зла в человеческих душах: как воды Потопа захлестнули всю сушу, так и волны порока и греха захлестывали сердца людей. Безграничная мощь Всевышнего, некогда проявившаяся в творении, явилась теперь в разрушении. В Потопе Бог явлен как власте-

лин природы: Он созидает, и Он разрушает.

Однако безудержная разрушительная сила стихии, на первый взгляд такая неуправляемая, была проявлением Божьей милости к человечеству. Дни Ноя названы не иначе как «время долготерпения Божьего» (1 Пет. 3:20), а сам Потоп стал прообразом будущего пришествия Сына Человеческого, грядущего судить грешников (Мф. 24:37). Милость Творца открывается с новой стороны, когда мы размышляем о том, что Бог знал, что человеческие сердца не «омыть» от греха никакими водами, что печать греха въелась в них навсегда. Господь предвидел, что уста спасенного Ноя произнесут проклятие на Хама (Быт. 9:24), который станет родоначальником племен новых бунтарей. Он знал, что слепопотопная цивилизация не будет лучше предшествующей. Тем не менее, Он открывает новую эпоху построения отношений с человечеством. Божье наказание, как и прежде, было основано на надежде и уважении к человеческому выбору. Однако здесь мы видим заявление Божье, которое заставляет думать, что Потоп изменил мысли Творца! Если в 6 главе Бытия мы читаем, что испорченность человеческих сердец — есть повод для истребления грешников с лица земли, то в 8 главе, хотя Творец еще раз подтверждает их испорченность, но вывод из этого делает совсем другой: «Не буду больше поражать живущих, как Я сделал» (Быт. 8:21). Создается впечатление, что Господь будто бы понял, что наказание, вроде Потопа, бес- сильно исправить человека.

Посредством Потопа Господь «расчи- стил землю» для нового поколения людей, предотвратив, тем самым, полное разложение и самоистребле-

ние человечества. Творец перенаправил в новое русло Историю, зашед- шую в тупик. Он изменил природный порядок (холод и зной, лето и зима, сеяние и жатва), полагая тем самым цикличность человеческой жизни и определяя времена и пределы для обитания, в надежде на то, что люди все-таки взыщут Его (Деян. 17: 26). После Потопа началась новая эпоха отношений Творца и творения, кото- рая предполагала более долговремен- ные отношения, реализуемые через Заветы. Ввиду жестокости человечес- кого сердца, Господь был готов долго- терпеть грешников, ожидая их покаяния.

Рассеяние и смирение

◆ Но люди не спешили каяться. Проклятие Хама не лишило его по- томков амбиций и страстей; именно в этом племени появился первый царь, Нимрод, и, вопреки пророчеству Ноя о вечном рабстве, этот гордый пото- мок из рода хамитов заявил новый манифест против Божьей власти. Вавилон стал точкой отсчета новой цивилизации, противостоящей Богу, а Вавилонская башня была задумана как центр нового рая и как замена Древу жизни. Под ее сенью должно было зародиться новое «царство не- бесное» на земле во главе с новым «богом» и новым «законом». Настоя- щий же Бог оставался за пределами этого царства, как нечто потусторон- нее, мифическое, сказочное.

Вавилон стал символом богоборче- ства, равно, как и символом единения людей (Иер. 50:29; Откр. 18:1-2). Именно богоборчество стало той объединяющей силой, которая сплю- тила грешников между собой. Их энтузиазм был мотивирован древней,

уже к тому времени насчитывающей не одну тысячу лет, идей, воспринятой изначально Евой: быть как боги. Все тот же бунтарский дух Каина и Ламеха заставлял их без усталости делать кирпичи, копать смолу и строить башню. И, как и прежде, бунтари использовали дары Всевышнего, употребляя их «для собственных вожделений» (Иак. 4:3).

Единый язык был для них не просто способом обсуждения бытовых и деловых вопросов: он был средством обмена теми помыслами, которые были «зло во всякое время» (Быт. 6:5). Эти помыслы были «изошряемы» в совместном общении (Пр. 21:17), превращались в идеи, теории, выписывались в законах и оглашались как непреложные повеления. Грешники совершенствовались, оттачивали, шлифовали свой бунт против Всевышнего. Мы видим, что молодая послепотопная цивилизация стремительно неслась в бездну, в которой несколько столетий назад исчезли их допотопные прародители.

И Бог в очередной раз вынужден был вмешаться. Его ответ на вызов человека был поразительно простым: лишить грешников возможности общаться и обмениваться информацией. Творец во мгновение ока перепрограммировал язык бунтарей, лишив их способности понимать друг друга. Смешение языков разбило единое сообщество грешников на многочисленные осколки, положив предел их совместной деятельности. Эта мера воздействия, как и все прочие, преследовала благую цель: замедлить процесс всеобщего морального разложения человечества, положив начало отдельным племенам, народам и культурам.

Заключение

◆ Лишь скупые истории судеб Еноха, Еноса, Ноя радуют читателя первых одиннадцати глав Бытия. В остальном они наполнены трагизмом предательства, описанием наказаний, и безмерной печалью любящего Отца. Библейский автор не вдаётся в подробности всех происходивших событий; похоже, его цель состоит в том, чтобы показать динамику реализации Божьего замысла. Эти главы, как кажется, имеющие назначение предисловия к истории Израиля, являют описание характера Творца. Бог представлен суверенным, всемогущим и благим, каким Он будет открываться на последующих страницах Писания через завет с Авраамом, а позднее с народом Израиля.

Наказания Всевышнего, описанные в этих главах, имели всеисторический характер. Они относились не только к людям конкретной эпохи, не сохранившим своего предназначения согласно божественному замыслу. Масштаб их действия охватил все человечество. Благодаря им, Господь и человек вошли в совершенно новое качество отношений: Спасителя и спасаемого. Всё другое стало невозможным. Именно поэтому Библия постоянно указывает на нужду человека в Боге.

Что же хотел достичь Бог через все эти ограничения падшего человечества? Какую цель преследовал Он, решительно отнимая божественные блага, украшавшие когда-то венец творения — человека, и превращая его в жалкое подобие царственного величия? Какая польза в смертности, болезненности, бессилии, изгнании, разобщенности, в подверженности постоянным опасностям стихий при-

роды? Ответ прост: это наилучшее состояние для потомков Адама; единственное состояние, в котором оставалась надежда на исцеление!

И хотя все наши попытки понять благодать Божию никогда не достигнут окончательной цели, поскольку наше мышление ограничено, но совершенно очевидно, что во всех Божьих действиях, представленных как акты наказания грешников, просматривается Его вечный замысел, конечная цель которого — благо. Если бы Господь не сделал столь решительных шагов, ограничивая грех людей, вероятно, История человечества и закончилась бы прологом. Не было бы возможности что-либо исправить. Человек превратился бы в некое подобие дьявола, бунт которого зашел так далеко, что сама мысль о его исправлении кажется абсурдной. Зная

греховную природу человека, Бог направлял его по спасительному пути раскаяния.

Как бы это странно ни звучало, но, наказывая грешников, Бог не мог поступить иначе! Он был обусловлен Самим Собой, Своей сущностью и природой. Творец был связан Своей любовью к истине, равно как и любовью к творению. Эта связанность явлена нам в Нем, как в самой святой и справедливой, и, одновременно, самой любящей Личности! Голгофа — акт величайшей Божьей любви к человечеству, одновременно стала высшим проявлением Его святости и справедливости! Его испепеляющий гнев, обращенный на грешников, поразил Его любимого Сына, висящего на кресте, — Иисуса Христа, представителя человечества, подъявшего грехи всех на Свои плечи!

Продложение следует

Библиография

- Алигьери, Данте. Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. — Пермь: Пермская книга, 1994. — 479 с.
- Беллоу, Сол. Герцог // Библиотека Максима Мошкова. — URL: <http://lib.ru/INPROZ/BELLOU/gercog.txt> (дата обращения 18.04.2016).
- Ветхий завет. Перевод с древнееврейского. Бытие / Пер. М. Г. Селезнева. // Христианское просвещение. — URL: <http://messia.ru/r3/ge/01-04.htm> (дата обращения 19.04.2016).
- Гесиод. Теогония. // Библиотека Михаила Мошкова. — URL: <http://lib.ru/POEEAST/GESIOD/theogonia.txt> (дата обращения 18.02.2016).
- Достоевский, Ф. М. Избранные произведения. Том первый. — М.: «Рипол Классик», 1977. — 832 с.
- Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т.1. Кн. 1-12. — М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2002. — 784 с.
- Ириней Лионский. Творения. Библиотека Отцов и учителей Церкви. — М.: Паломник, 1996. — 640 с.
- Каррид, Д. Бытие. Том 1, главы 1-25. / Пер. с англ. А.В. Вязовской. — Минск: МНЦП, 2005. — 480 с.
- Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. — М.: Республика, 1992. — 432 с.
- Радостная Весть. Новый завет в переводе с древнегреческого. Издание третье, исправленное и дополненное. — М.: РБО, 2007. — 603 с.
- Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. XI. — Кн.2. — СПб.-М., 1905.